

Н 125
211

A

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
Исторический факультет

Кафедра истории южных и западных славян
Институт славяноведения РАН

ИСТОРИКИ-СЛАВИСТЫ МГУ

р

Книга 8

СЛАВЯНСКИЙ МИР: В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ

В ознаменование 70-летия кафедры
и 175-летия учреждения славистических кафедр
в университетах Российской империи

Москва

2011

УДК 950(091); 930(092)

ББК 63.3гП

И90

ГПИБ России

474142

-13

Редакционная коллегия:

Ю.А. Борисёнок, А.Н. Литвинова, Г.Ф. Матвеев, З.С. Ненашева

И90 Историки-слависты МГУ : Кн. 8 : Славянский мир: в поисках идентичности : В ознаменование 70-летия кафедры и 175-летия учреждения славистических кафедр в университетах Российской империи. — М. : Институт славяноведения РАН, 2011. — 1172 с.
ISBN 978-5-7576-0238-7

Большая группа отечественных и зарубежных исследователей истории славянских народов представляет результаты своих научных изысканий и размышлений о судьбах крупнейшей в Европе этнической семьи на протяжении последнего тысячелетия. Адресат — историки, политологи, студенты-гуманитарии и все, кто верит в будущее славянских народов.

ISBN 978-5-7576-0238-7

© Коллектив авторов, 2011
© Кафедра истории
южных и западных славян МГУ, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 11

Из истории кафедры
истории южных и западных славян МГУ

Досталь М.Ю. О факторах возрождения
отечественного славяноведения
накануне Второй мировой войны 15
Ненашева З.С. Формирование концепции
учебной работы кафедры 26

От этносов к нациям и современным государствам

Горина Л.В. Изборник Симеона-Святослава
1073 года на Руси 53 ✓
Добычина А.С. Болгары в поисках легитимности
во время восстания Петра и Асеня (1185–1186 годы) 67 ✓
Солодовникова О.С. К вопросу о механизме становления
личных связей между правителем и властелой
в средневековой Боснии (XII–XIV века) 79 ✓
Бортникова А.В. Магдебургско-немецкое право
в городе Владимире в XVI веке:
источники и порядок организации 92 ✓
Штик І.Є.
Рецепція «другого південнослов'янського впливу»
в Західній та Південно-Західній Русі
(кінець XIV–XV ст.) 113
Крикун Н.Г. Распространение польского
административно-территориального устройства
на украинских землях 130 ✓
Макарова И.Ф.
Мир этноконфессиональных образов болгар:
христианские народы XV–XVII веков 141 ✓
Неменский О.Б. Славянская идентичность
и её осмысление в текстах западнорусских полемистов
начала XVII века 154 ✓

<i>Степанов Д.Ю.</i> «Малая Русь» и «народ малороссийский» в представлениях казачьей старшины и высшего духовенства Гетманщины в 50–60-е годы XVII века	167	✓
<i>Таирова-Яковлева Т.Г.</i> К вопросу о формировании самосознания политической элиты Украины раннего Нового времени	178	✓
<i>Юсупов Р.Р.</i> Россия и Речь Посполитая накануне русско-турецкой войны 1787–1791 годов	188	✓
<i>Леонтьева А.А.</i> Правовое положение женщин Софии в имущественной сфере (по данным наследственных описей кадийских регистров 1731–1833 годов)	196	✓
<i>Распопович Р.</i> Черногория: проблема сохранения идентичности в новое и новейшее время	206	✓
<i>Кутявин В.В.</i> Россия в польской литературе 1830-х годов: некоторые обобщения	214	✓
<i>Анишаков Ю.П.</i> Миссия черногорского владыки Петра II Петровича Негоша в Россию в 1837 году	219	✓
<i>Пержвинская В.А.</i> «Не хочу учиться, а хочу жениться!»: правовое регулирование заключения брака в Западных губерниях Российской империи (первая половина XIX века)	232	✓
<i>Журавлёва О.А.</i> Роль и место задруги в системе становления автономного Сербского княжества в 30–60-е годы XIX века	245	✓
<i>Фалькович С.М.</i> «Славянская карта» в политических расчетах польской эмиграции (1830–1870-е годы)	255	✓
<i>Леовац Д.</i> Русофильское течение в Сербии и Крымская война (1853–1856)	267	✓
<i>Сундукова Д.А.</i> Е.П. Ковалевский и учреждение новых консульств на Востоке (1856–1861)	283	✓
<i>Кузьмичева Л.В.</i> Открытие Сербского Подворья в Москве в 70-е годы XIX века	301	✓
<i>Дубовик О.А.</i> Стефан Стамболов и болгарская церковь	314	✓

<i>Миколенко Д.В.</i> Попытки реализации идеи «Великой Болгарии» правительством С. Стамболова: реалистичный подход к решению национального вопроса или бесперспективная стратегия?	333	✓
<i>Шемякин А.Л.</i> Русская профессура о Сербии и сербах (последняя треть XIX века)	346	✓
<i>Раич С.</i> Милан Пирочанац, Стоян Новакович и Владан Джорджевич — интеллектуальная «троица» сербских напредняков (прогрессистов) о славянской взаимности	361	✓
<i>Ждановская А.А.</i> Богемские немцы и венские чехи на страницах австрийской сатирической прессы (конец 1870-х — начало 1890-х годов)	376	✓
<i>Попов К.А.</i> Словаки и Национальный конгресс в Будапеште в 1895 году в освещении австро-венгерской прессы	389	✓
<i>Суслов А.В.</i> Социально-политические аспекты функционирования исторической мифологии Г. Сенкевича в конце XIX — начале XX века	401	✓
<i>Кирилина Л.А.</i> Янез Евангелист Крек — идеолог и организатор движения христианских социалистов в словенских землях	411	✓
<i>Бифюкова Е.В.</i> Методы политической борьбы чешских клерикалов в избирательной кампании 1907 года	420	✓
<i>Тимофеева О.В.</i> Конфликт польской идентичности и российской имперской государственности в представлениях «угодников»	437	✓
<i>Янченко Д.Г.</i> Вопросы налогообложения западных окраин в Государственной думе и их влияние на унификацию законодательства в начале XX века	446	✓
<i>Гусев Н.С.</i> Тема славянского единства в русской периодической печати во время Балканских войн 1912–1913 годов	458	✓
<i>Вишневски Э.</i> Российские либеральные партии и польский вопрос в годы Первой мировой войны	470	✓
<i>Терехина О.В.</i> Образ «страдающей Чехии» в российской прессе в годы Первой мировой войны	485	✓

Гущин А.В. Вопрос о Восточной Галиции на Парижской мирной конференции 1919 года	492 ✓
Короткова Д.А. Белорусский вопрос на советско-литовских переговорах 1920 года	504 ✓
Павлова М.С. Литовский вопрос в польской дипломатии летом–осенью 1920 года	513 ✓
Матвеев Г.Ф. Подготовка советской стороны к мирным переговорам с Польшей в 1920 году	526 ✓
Стыкалин А.С. Дунайские проекты Оскара Яси	540 ✓
Булахтин М.А. Польская идентичность во взглядах В.Л. Яворского	559 ✓
Борисёнок Е.Ю. Проблема идентичности в русско-украинских отношениях 1910–1920-х годов	568 ✓
Бабенко О.В. К вопросу о целях визита Г.В. Чичерина в Варшаву в сентябре 1925 года	577 ✓
Лопатина О.В. Д.В. Философов и русско-польские культурные связи в межвоенный период	589 ✓
Федевич К.К. Украинский молодежный Пьемонт на Волыни. (Украинизация украинской молодежи на Западной Волыни в 1920–1930-е годы)	603 ✓
Комаф В.Л. Украинский вопрос в польско-японских отношениях в 1930-е годы	610 ✓
Мишин А.В. Югославо-германские экономические отношения в 1935–1941 годах	624 ✓
Макарова Л.М. Подпольное обучение в Краковском университете в 1939–1945 годах (по воспоминаниям его сотрудников и студентов)	634 ✓
Чарковский Р. Внутренние и внешние факторы преодоления разногласий Польши и Чехословакии (февраль – июль 1946 года)	644 ✓
Сальков А.П. Албано-греческий территориальный спор в Северном Эпире и геополитическое размежевание в Западно-Балканском регионе (1945–1949 годах)	669 ✓
Новосельцев Б.С. СФРЮ в поисках формулы суверенной внешней политики в 1950-е годы	687 ✓
Новик В.М. Повседневная жизнь в исторической памяти белорусской деревни второй половины XX века	702 ✓

Лыкошина Л.С. Национальные меньшинства в современной Польше	710 ✓
Шуклая С.Э. Современные российско-польские культурные связи: массовость или элитарность	732 ✓
Никитин В.В. Первые шаги в становлении восточного направления во внешнеполитическом курсе Словацкой Республики	739 ✓
Задорожнюк Э.Г. К проблеме соотношения региональной и национальной идентичностей (на примере словацко-венгерских отношений)	750 ✓
Михалев О.Ю. Антиевропеизм как составная часть идеологии польских правонационалистических партий	764 ✓
Пономарева Е.Г. Проблемы и перспективы формирования государственности на постъюгославском пространстве	776 ✓
Младенович М. Политическая культура как фактор развития политической системы (на примере Балкан)	785 ✓
Усатенко О.А. Охридское рамочное соглашение в становлении македонской идентичности	793 ✓
Ямбаев М.Л. Албанский фактор на современном этапе политического развития Республики Македония	806 ✓

Проблемы историографии и источниковедения

Золотарев Д.П. Карпато-дунайский регион в контексте истории греко-славянского мира в трудах К.Я. Грота	819 ✓
Фролова М.М. Походы киевского князя Святослава на Балканы в освещении А.Д. Черткова	827 ✓
Верещагина Е.Н. Проблемы истории средневекового балканского еврейства в поздних работах М.М. Фрейденберга	845 ✓
Лециловская И.И. Славянская традиция в хорватском общественном сознании до середины XIX века	855 ✓
Воробьёва И.Г. Новейшая хорватская историография средневекового Дубровника	869 ✓

<i>Гаркуша Л.М.</i> Гуситское движение в Чехии в освещении новейшей чешской литературы	879	✓
<i>Зашикульняк Л.А.</i> Представления украинских интеллектуальных элит первой половины XIX века о Восточной Европе и ее исторических разделениях	895	✓
<i>Ващенко М.С. В.В.</i> Макушев и его работы по истории Хорватии	907	✓
<i>Рокина Г.В.</i> Современные трактовки интеграционных процессов словацкого национального движения XIX века в историографии Словацкой Республики	919	✓
<i>Горизонтов Л.Е.</i> Западнорусизм в мире идентичностей межславянского пограничья. Историографические наблюдения	930	✓
<i>Петровская О.В.</i> Истоки белорусской государственности: историографические конфронтации в Белоруссии и Польше	940	✓
<i>Кутявин В.В.</i> Польша и поляки в советской и современной российской историографии: устойчивость стереотипов	953	✓
<i>Пугач Е. П., Роговой Е.С.</i> Место Словацкой Республики 1939–1945 годов в истории словаков	964	
<i>Валева Е.Л., Волокитина Т.В.</i> Болгарская историография о роли советского фактора в истории страны	977	✓
<i>Горина Л.В.</i> Болгарский хронограф и его структурное построение	992	✓
<i>Мананчикова Н.П.</i> Сочинение Филиппа де Диверсиса «Описание Дубровника» как исторический источник	1014	✓
<i>Прозоров В.В.</i> Проблема отношения «Салонской истории» и «Большой Салонской истории»	1022	✓
<i>Ковыльникова Т.С.</i> Восприятие Чехии в воспоминаниях К.Я. Грота	1060	✓
<i>Михальченко С.И. Е.В.</i> Спекторский о славянской Европе 1920-х годов	1069	✓✓
<i>Вартаньян Э.Г. Н.С.</i> Державин о болгарских поселенцах юга России: несколько сюжетов из эпистолярного наследия (1897–1927 годы)	1079	✓✓

<i>Борисёнок Ю.А.</i> Как сделать поляком «маленького человека» из Полоцкого региона (мемуары Александра Шемеля и последствия национальной политики польских властей на «кресах»)	1089	✓
---	------	---

Публикация источников

<i>Рандин А.В.</i> Заключительный аккорд гуситской революции. Кутногорский религиозный мир 1485 года	1102	✓
<i>Фирсов Е. Ф.</i> Дерптские научные и дружеские связи ученого-слависта, теолога Яна Квачалы и письма к нему Ольги Добрянской-Грабарь	1110	✓
<i>Тесемников В.А. В.И.</i> Лебедев: штрихи биографии. Об угрозе СССР с Запада и Востока	1125	✓
<i>Лебедев В.И.</i> Россия между двух огней (Расизм как стратегическое средство)	1133	✓

Воспоминания выпускников кафедры

<i>Хитрова Н.И.</i> Кафедра в воспоминаниях выпускников 1950 года дневного отделения	1143
<i>Рейман М.</i> Студенческие годы в Москве	1151
<i>Дурачинский Э.</i> Моя учеба в МГУ (1953–1955)	1154
<i>Борейша Е.В.</i> От культа личности к культу архивов	1160

<i>Сведения об авторах</i>	1166
----------------------------------	------

Проблема идентичности в русско-украинских отношениях 1910–1920-х годов

Е.Ю. Борисёнок

Проблемное поле украинской этнокультурной и этнонациональной идентичности имеет более сложный рельеф, чем у большинства современных общностей. Вхождение украинской части восточного славянства в разные государственные системы, пребывание в культурно разнящихся пространствах привело к существенным особенностям в формировании национального самосознания в украинском культурном и политическом дискурсах.

В данной связи особый интерес представляют процессы, протекавшие в XX в., особенно в 1910–1920-е гг., в период радикализации украинского движения и государственного строительства на украинских землях. Формировавшаяся в украинском сознании особая культурно-языковая и национальная идеология получила в этот период поддержку со стороны правительственных структур, благодаря чему украинское мировосприятие стало приобретать законченную форму.

Культурно-языковая ситуация на украинских землях в начале века была достаточно сложной. Хотя в годы первой русской революции «малороссийское наречие» и было признано Академией наук самостоятельным языком, однако это не поколебало устойчивых позиций русского языка на украинских землях. На русском языке говорили в городах; русский язык господствовал в системе образования, в издательской сфере, науке, театральном искусстве, не говоря уже об официально-деловом общении и армии. Русский культурно-языковой стандарт был не просто отличительной чертой, но объединяющим фактором культурной элиты Российской империи, формировавшейся из разных этнических слоев. При этом этническая близость между великороссами и малороссами облегчала вхождение уроженцев украинских земель в имперскую элиту, тем более что малороссы никогда не дискриминировались в Российской империи на индивидуальном уровне.

Между тем в условиях мировой войны и революции так называемая «украинская идея», не только исключавшая украинцев из общерусского этнокультурного пространства, но противопоставлявшая «русскость» «украинскости», постепенно приобретала все больше сторонников. Рост социально-политической активности в распадающейся Российской империи сопровождался повышением роли национального (точнее — этнонационального) фактора, что приводило к попыткам установления различных национальных режимов. В период существования Украинской народной республики и Украинской державы национальными правительствами стала осуществляться политика, направленная на повышение статуса украинского языка, что фактически означало сужение коммуникативной сферы русского языка. Для украинских правительств национальный язык являлся символом суверенизации процесса, и внедрению украинского языка в общественную и культурную жизнь придавалось особое значение.

Ни Центральная рада, ни гетман П.П. Скоропадский, ни Директория не смогли удержаться у власти и полностью воплотить в жизнь украинизационную программу. Однако большевики, пришедшие на смену национальным правительствам, своей политикой также создавали определенные условия для укрепления украинской этнической идентичности. Советская государственная система интегрировала в себя этнонациональный фактор: союзные республики рассматривались как государственные образования определенной нации со всеми присущими ей особенностями, в том числе и «специфическими особенностями национальной культуры».

Несмотря на внешнее сходство правительственных курсов, осуществлявшихся в УНР и УССР (внедрение украинского языка в систему образования, перевод делопроизводства на украинский язык, поддержка украинской культуры), между ними существовали принципиальные различия, обусловленные разницей в политических и идеологических установках. Помимо прочего, важную роль играло различное отношение к «русскости». Если в УНР курс на укрепление украинской национальной идентичности шел на основе противо-

поставление его идентичности русской¹, то в УССР такого противопоставления не было: большевики выдвинули лозунг о помощи русской нации «возрожденным нациям нашей страны — встать на ноги во весь рост, оживить и развить свою национальную культуру»². Используя «специфические особенности национальной культуры», большевистское руководство фактически пыталось обеспечить интеграцию своих граждан и их лояльность посредством языковой политики, институтов образования и воспитания, контроля над средствами массовой коммуникации³.

Большевики не только признали за украинской нацией право на существование, но и предприняли ряд мер по поддержке развития украинского языка и культуры. Активно велась работа по кодификации литературных норм, в области лексики и орфографии. В 1921 г. был открыт Институт украинского научного языка, работа которого была направлена на разработку научной терминологии. Велась работа и по унификации украинского правописания. С 1925 г. при украинском совнаркоме работала Государственная комиссия для разработки правил правописания украинского языка. В 1927 г. была проведена так называемая Правописная конференция, предметом обсуждения которой стала единая система орфографии (она была введена в действие в 1928 г. постановлением СНК УССР).

В 1920-е гг. были созданы условия для овладения основной частью населения УССР письменным украинским языком. Именно на украинском языке с середины 1920-х гг. преимущественно проводилась ликвидация неграмотности. Так, в 1925–1926 учебном году на Украине существовало 13 350 ликбезов на украинском языке (на русском таких ликбезов насчи-

тывалось только 3 312)⁴. В 1927 г. 78% всех ликбезов проводили обучение по-украински⁵.

Была создана система обучения на украинском языке, причем, снизу доверху, от начальной школы до высшей. Особенно впечатляющие результаты были достигнуты в сфере украинизации начального образования. К 1930 г. на Украине насчитывалось украинских начальных школ — 14 430 (русских всего 1 504)⁶. В школах другого типа результаты не были столь яркими, однако, например, уже к 1925–1926 учебном году профшколы по языку обучения были на 51,9% украинскими и только на 27,6% — русскими⁷. Определенные успехи были достигнуты и в украинизации высшей школы. По состоянию на 1927 г. среди институтов было 14 украинских, 2 русских и 23 — двуязычных⁸.

Изменялся и социальный состав студенчества: на смену интеллигенции и мещанству, в массе своей русскоязычным, пришла рабочая и крестьянская молодежь. При этом четко проявлялась тенденция увеличения численности украинцев среди студентов за счет уменьшения приема евреев и русских. Так, в 1930–1931 учебном году численность украинцев среди студентов вузов достигла 70%⁹. Столь же пристальное внимание уделялось и подготовке поколения молодых ученых: в 1928 г. уже 60 % всех аспирантов были украинцами¹⁰.

«Охранительная» сторона большевистской политики нашло свое выражение в протекционизме в отношении национальных языков и культуры, т.е. в официальной поддержке национальной литературы, театрального, изобразительного и пр. искусства, во введении национального языка в сферу просвещения, науки, издательского дела, делопроизводство и т.п. Однозначно речь шла о пересмотре сложившейся си-

¹ Гетман П.П. Скоропадский по-иному относился к проблеме соотношения «украинскости» и «русскости». — *Борисенко Е.Ю.* Гетман всей Украины Павел Петрович Скоропадский // До и после Версаля. Политические лидеры и идея национального государства в Центральной и Юго-Восточной Европе. М., 2009. С. 301–321.

² Сталин И.В. Сочинения. Т. 11. М., 1949. С. 353–354.

³ См. «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки. Київ, 2003; *Борисенко Е.Ю.* Феномен советской украинизации. М., 2006.

⁴ «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки... С. 105.

⁵ *Кравченко Б.* Соціальні зміни і національна свідомість в Україні ХХ с. Київ, 1997. С. 175.

⁶ См. «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки... С. 89.

⁷ Там же. С. 91.

⁸ Там же. С. 102.

⁹ Там же. С. 102.

¹⁰ Там же. С. 112.

туации в культурно-языковом пространстве Украины, об изменении соотношения сфер применения русского и украинского языков в пользу последнего. В 1920-е гг. большевиками было немало сделано в этом направлении, однако окончательного изменения соотношения сил в пользу украинского языка не произошло. Хотя украинский язык и стал проникать в ранее недоступные для него коммуникативные сферы (официально-деловую, политическую, научно-образовательную), однако потребности единого государства в языке межнационального общения на фоне развернувшихся в 1930-е гг. централизаторско-унификаторских тенденций объективно способствовали сохранению позиций русского языка.

Тем не менее, официальная поддержка украинского языка и культуры вызвала большой резонанс в обществе. Русские интеллигалы тяжело переживали отказ сторонников украинской идеи от общерусского культурного пространства. Настроения русского общества в период революции весьма образно зафиксированы в «Белой гвардии» М.А. Булгакова. Естественно, много внимания уделялось новому статусу украинского языка: «...Кто терроризировал русское население этим гнусным языком, которого и на свете не существует? Гетман»¹¹, — говорит Алексей Васильевич Турбин. И далее: «Сволочь он (гетман. — Е.Б.), ведь он же сам не говорит на этом проклятом языке!»¹²

Настроения переданы Булгаковым очень достоверно, они подтверждаются множеством свидетельств очевидцев украинской революции. Настроения русской интеллигенции по украинскому вопросу зафиксировал в своих дневниках ученый и общественный деятель В.И. Вернадский: «подавить или держать движение силой», «украинцы изменили», «существование культуры и языка сомнительно»¹³. Подобная реакция со стороны русской интеллигенции на происходившие перемены была характерна не только для периода революции и гражданской войны, и для более позднего периода — периода большевистской украинизации. В конце 1920-х гг. препода-

¹¹ Булгаков М.А. Белая гвардия // Булгаков М.А. Собр. соч. В 5 т. Т. 1. М., 1992. С. 208.

¹² Там же.

¹³ Вернадский В.И. Дневники. 1917–1921. Киев, 1994. С. 146.

ватель математики Белинский из Днепропетровска считал, что «украинский язык годен только для песен, ведь им нельзя пользоваться всегда, ведь это выдумка, чуждая даже для украинцев»¹⁴. Преподаватель физики Бароновский заявил: «На этом (украинском. — Е.Б.) языке невозможно два слова сказать, он груб и непригоден для такого предмета, как физика... Чрезвычайно глупо и то, что требуют строительства какой-то национальной культуры, ведь, по сути, Украина сейчас ни что иное, как часть России. Никогда она не будет самостоятельной, всегда будет жить по указке матушки России»¹⁵.

В этом плане русская профессура разделяла сомнения, высказанные в известном письме М. Горького от 7 мая 1926 г., в котором он резко выступил против сокращения и перевода на украинский язык повести «Мать». Считая украинский язык наречием, он был озабочен тем фактом, «что люди, ставя перед собою одну и ту же цель, не только утверждают различие наречий — стремятся сделать наречие «языком» — но еще и угнетают тех великороссов, которые очутились меньшинством в области данного наречия»¹⁶.

Русская интеллигенция была встревожена и озабочена новой ролью украинского языка в культурном пространстве Украины, складывавшимися новыми взаимоотношениями украинского языка и русского, украинской культуры и русской. Подавляющее большинство высказывало обеспокоенность отторжением достижений русской культуры со стороны «сознательных украинцев», и поэтому образ украинца складывался как образ изменника, сепаратиста, и даже предателя. Следует согласиться с мнением Е.Е. Левкиевской, что стереотип украинца-сепаратиста в русском сознании стал формироваться именно в этот период, а русское общество восприняло украинский сепаратизм в первую очередь как конфликт культурный¹⁷.

¹⁴ Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 20. Спр. 4172. Арк. 33.

¹⁵ Там же. Арк. 34.

¹⁶ Там же. Спр. 2695. Арк. 60. Копия письма.

¹⁷ Левкиевская Е.Е. Этнокультурный и языковой стереотип украинца в русском сознании // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. Русские и украинцы во взаимном общении и восприятии. М., 2008. С. 165–166.

Следует отметить, что настроенное, а зачастую и негативное отношение к украинскому языку и культуре было характерно не только для «старой» русской интеллигенции, но и для многих сторонников коммунистической идеи. У рядовых партийцев понятие «украинец» ассоциировалось с гражданской войной и происками враждебных большевикам сил. Для них часто понятие «украинец» было некоей выдумкой классового врага — «петлюровщиной». У многих вызывало сомнения сама возможность существования украинской (и белорусской) нации. Подобные настроения были столь широко распространены, что на них был вынужден отреагировать И.В. Сталин. В президиум X съезда поступила записка о том, будто бы большевики насаждали «белорусскую национальность искусственно»¹⁸. Генеральный секретарь возразил автору записки, что у белорусской нации «имеется свой язык, отличный от русского» и «поднять культуру белорусского народа можно лишь на родном его языке»¹⁹. Подобные же речи, заметил Сталин, велись и об украинской нации: «Между тем ясно, что украинская нация существует, и развитие ее культуры составляет обязанность коммунистов. Нельзя идти против истории. Ясно, что если в городах Украины до сих пор еще преобладают русские элементы, то с течением времени эти города будут неизбежно украинизированы»²⁰.

Столь острая реакция на правительственную поддержку украинской культуры была не случайной. Речь шла не просто о повышении статуса украинской идентичности, но о новом распределении ролей между русскими и украинцами в социальной сфере. Принадлежность к украинской нации стала одним из необходимых условий успешной карьеры, наряду с социальным происхождением и членством в партии большевиков. В свою очередь, создававшаяся большевиками украинская советская элита пыталась укрепить свои позиции, в том числе и путем обоснования большого значения «украинскости»

¹⁸ Сталин И.В. Заключительное слово по докладу об очередных задачах партии в национальном вопросе на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 48.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 49.

для дела мировой революции. В процессе так называемой «литературной дискуссии» середины 1920-х гг., развернувшейся на Советской Украине, речь шла не просто об отличии украинской культуры от русской, а о прогрессивности первой и антиреволюционности второй. Яркий пример — теоретические построения коммуниста-романтика Н. Хвильевого, сделавшего упор на особом предназначении Украины и на необходимости борьбы с посторонним культурным влиянием, под которым понималось влияние русского языка и культуры на украинский язык и культуру. Хвильевым считал, что ориентироваться украинской культуре надо не на Россию, а на Европу²¹.

«Уход» в сторону «Европы», продемонстрированный Хвильевым, хоть и обремененный в коммунистические одежды, был расценен Сталиным резко отрицательно, как ослабляющий позиции страны, строящий социализм. В свою очередь, это привело к стимулированию взаимодействия культур путем признания общих ценностей, общих благ и символов. Недаром, провозглашая лозунг развития национальной культуры, центральное большевистское руководство настаивало на ее социалистическом характере. Сталин вел речь о необходимости «объединить национальную культуру на базе общего социалистического содержания путем усиления развития национальных культур». Иными словами, задачей советского государства была культурная интеграция народов в рамках единого общества. Большевики стремились сформировать чувство сопричастности у народов, населяющих СССР («единая семья братских народов»): принадлежность к советскому социалистическому обществу должна была стать мощным консолидирующим фактором.

В массовое сознание закладывались образы и представления, которые должны были способствовать консолидации общества, несмотря на признание существования на территории громадного государства различных этносов. Идеи и символы социализма должны были вытеснить «чуждые» совет-

²¹ См. подробнее: Борисенко Е.Ю. Николай Хвильевый (1893–1933) // Украина и украинцы: образы, представления, стереотипы. С. 215–238.

скому человеку традиции и ценности. Сюда следует отнести и атеистическую пропаганду, в том числе ограничение деятельности религиозных организаций, ограничение участия граждан в культовых обрядах (свадьба, крестины, похороны). Взамен предлагались новые культурные и социальные традиции, включавшие в себя новый пантеон праздников, новая гражданская обрядность, которая должна была сопровождать советского человека на протяжении всей его жизни (ритуалы, связанные с регистрацией новорожденных, с заключением браков, проводами в армию и т.д.) Все эти нововведения соответствовали общей цели конструирования новой культуры и были направлены на культурную интеграцию народов в рамках единого общества.

Таким образом, в XX в. украинская идентичность получила поддержку со стороны правительственных структур — сначала украинских национальных правительств, а затем и большевистского. Причем, если в период существования УНР и Украинской державы украинская идентичность только заявила о своем намерении внедриться в массовое сознание, то в период большевистского национального строительства 1920-х г. украинская идентичность (конечно, в советском варианте) получила для такого внедрения полную возможность. Русское общественное сознание было вынуждено адаптироваться к новым условиям. Оно переживало в этот период специфическую травму, вызванную происходившим распадом общерусской идентичности. Малороссы, не воспринимавшиеся ранее в массовом сознании как отдельный национальный организм, на глазах превращались в украинцев, отвергавших концепцию триединой нации. Не удивительно, что отношение к Украине и украинцам в этот период было эмоционально насыщено и отличалось бурной реакцией на украинизаторские усилия властей.

Большевистское руководство, создавая условия для укрепления украинской идентичности, внесло существенные изменения в русско-украинские взаимоотношения. Украинцы в новом качестве отдельной нации стали претендовать на новое распределение ролей в социально-политическом и культурном пространстве страны, что имело далеко идущие последствия.

К вопросу о целях визита Г.В. Чичерина в Варшаву в сентябре 1925 года

О.В. Бабенко

Неофициальный визит наркома иностранных дел СССР Г.В. Чичерина в Варшаву проходил 27–29 сентября 1925 г., т.е. на заключительной фазе переговоров Великобритании и Франции с Германией о западном гарантийном пакте. Формально глава НКИД остановился в польской столице проездом в Европу. В советской прессе сообщалось, что Чичерин «выехал за границу в двухмесячный отпуск»¹. В варшавском заявлении о состоянии польско-советских отношений Чичерина дал крайне неопределенное объяснение своему визиту в Варшаву, что можно объяснить его желанием скрыть истинные цели поездки: «Мой проезд через Варшаву связан с тем, что я еду лечиться в Центральную Европу, причем я еще не знаю, куда именно»².

В польском МИД и в прессе одним из инициаторов визита, кроме Чичерина, называли работника Наркоминдела М. Логановского³, который на встречах с представителями польской стороны постоянно подчеркивал готовность советского правительства вести переговоры с целью польско-советского политического и экономического сближения⁴.

Связь визита главы Наркоминдела в Варшаву с приближавшейся конференцией в Локарно совершенно очевидна. Переговоры Советского Союза с Польшей призваны были играть роль противовеса переговорам западных держав с Германией о заключении гарантийного пакта для Западной Европы, ко-

¹ Известия. 26.09.1925. См. также: Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 308 к. Оп. 19. Д. 500. Л. 22.

² Документы и материалы по истории советско-польских отношений (ДМИСПО). Т. 4. М., 1966. С. 413. См. также: Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 04. Оп. 32. П. 217. Д. 52668. Л. 47.

³ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. П. 218. Д. 52685. Л. 15; РГВА. Ф. 308 к. Оп. 19. Д. 501. Л. 47.

⁴ РГВА. Ф. 308 к. Оп. 19. Д. 501. Л. 47.